

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 4 (10)

Part 2

Academic Journal

Series

Philosophy. Social Studies. Art Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ

№ 4 (10)

Часть 2

Научный журнал

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Москва

2017

СОДЕРЖАНИЕ

История философии

<i>С.А. Коначева</i> Метафизика без метафизики: пути интерпретации философии Хайдеггера в современной теологической герменевтике	159
<i>В.И. Молчанов</i> Восприятие чужой/другой душевной жизни: Н.О. Лосский и Макс Шелер	170
<i>В.П. Филатов</i> Аргумент по аналогии в понимании «другого сознания»: к истории проблемы	181
<i>О.В. Марченко</i> Памяти В.Ф. Эрна	191

Философия истории

<i>Е.Н. Некрасова</i> Русская философия: революция и культура	201
<i>С.С. Неретина</i> Революция: мир сначала?	210
<i>И.В. Кондаков</i> К современной философии истории	221
<i>В.Д. Губин</i> Борьба с памятью. Истоки беспамьятства	231

Социальная философия

<i>М.А. Кукарцева</i> Эффект персонализации современной политики	239
---	-----

<i>С.Д. Серебряный</i> Об одном сравнительно мало у нас известном тексте Льва Толстого («Письмо к либералам», 1896)	252
---	-----

<i>О.В. Самовольнова</i> Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри	261
--	-----

<i>Е.А. Гришина</i> Социальное (ментальное) картографирование: возможности и ограничения метода	272
---	-----

<i>Т.Ю. Сидорина</i> Томас Манн и его музыкальный герой – в поисках прототипа (этюд по философии музыки)	278
--	-----

Философия и образование

<i>Е.Н. Ивахненко</i> Образование, наука и религия в русском Просвещении: в поисках компромисса (часть 1)	287
---	-----

<i>В.М. Карелин, Н.И. Кузнецова</i> Предмет философии как проблема в регистре современности: стилистика учебного курса	298
--	-----

<i>Н.О. Бороздина</i> Современный российский университет на фоне мировых трендов: проблемы и поиски решений	306
---	-----

Abstracts	312
-----------------	-----

Сведения об авторах	319
---------------------------	-----

CONTENTS

History of Philosophy

S. Konacheva

Metaphysics without metaphysics.

Interpretation of Heidegger's philosophy
in contemporary theological hermeneutics 159

V. Molchanov

Perception of someone else's/other psychic life.

N.O. Losskij and M. Scheler 170

V. Filatov

Argument from analogy in understanding "other minds".

To the history of an issue 181

O. Marchenko

To the memory of Vladimir Ern 191

Philosophy of History

E. Nekrasova

Russian philosophy. Revolution and culture 201

S. Neretina

Revolution. The world at the beginning? 210

I. Kondakov

To modern philosophy of history 221

V. Goubin

Struggle with the memory. Origins of amnesia 231

Social Philosophy

M. Kukartseva

The personalisation effect of modern policy 239

<i>S. Serebriany</i>	
“A letter to (Russian) liberals” (1896). Lev Tolstoy’s text which is little known yet in Russia	252
<i>O. Samovolnova</i>	
Social philosophical analysis of basic concepts of biopolitics. M. Foucault, G. Agamben, A. Negri	261
<i>E. Grishina</i>	
Social (mental) mapping. Opportunities and restrictions of the method	272
<i>T. Sidorina</i>	
Tomas Mann and his musical character – in search of the prototype (study on the philosophy of music)	278

Philosophy and Education

<i>E. Ivakhmenko</i>	
Education, science and religion in the Russian Enlightenment. In search of a compromise (part 1)	287
<i>V. Karelin, N. Kuznetsova</i>	
The subject matter of philosophy as an issue of the modern times register. Towards the stylistics of the educational course	298
<i>N. Borozdina</i>	
Modern Russian university against the background of world trends. Issues and search for solutions	306
Abstracts	312
General data about the authors	321

Е.Н. Ивахненко

Образование, наука и религия в русском Просвещении: в поисках компромисса (часть 1)

В статье предпринимается попытка проанализировать поиски синтеза образования, религии и науки в русском Просвещении XVIII в. Текст статьи подразделяется на две части. В первой части показано влияние секуляризации и государственной опеки образования и науки, а также феномен «наукизации» русского Просвещения. Во второй (в следующем выпуске Вестника) будут показаны скрытые траектории, по которым постепенно перестраивались научный и религиозный дискурсы русского века Просвещения.

Ключевые слова: реформа образования, русское Просвещение, эклектизм, наукизация.

С чем мы имеем дело, когда обращаемся к истории идей прошедших столетий? Ведь мы отделены от описываемых событий XVIII в. более чем двухвековой толщей времени. В этом случае исследователь не располагает какими-либо прямыми свидетельствами зарождения, протекания и столкновения идейных течений того времени. Иначе говоря, при всей изощренности методологических инструментов, будь то «модель охватывающего закона» или герменевтика, мы не располагаем непосредственным доступом к реальному (живому) историческому опыту людей прошлого. Опыт всегда предмет настоящего, так как «опыт прошлого исключен самим значением слова *опыт*»¹. Тем не менее данное обстоятельство – политическое, идейного, религиозного, – в котором разворачива-

© Ивахненко Е.Н., 2017

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-36-00026).

лись события прошлого. Причем такая реконструкция не может быть оторвана от опыта переживания настоящего и находится в определенной логической связи с ним, связи – важной и значимой для самого исследователя и его современников. При этом тот, кто берется за решение подобной задачи, располагает лишь текстовой презентацией объекта своего исследования – документами, трактатами, их критикой, опять-таки в прошлом и настоящем. Таким образом, жанр описания того, как формировался общий идейный план научных, религиозных и образовательных сюжетов в русском Просвещении XVIII в., к которому прибегает автор статьи, можно назвать исторической реконструкцией, когда настоящее принимает участие в «пересборке» событий прошлого.

Чтобы данный подход не превратился в своего рода «авторский схематизм» и не обернулся отражением самого автора в зеркале его собственных абстрактных понятий и определений, необходимо избежать двух крайностей. Во-первых, – отказаться от предзаданного набора умозрительных схем, не связанных с содержанием изучаемой культурной традиции, во-вторых, – исключить сплошное оперирование иллюстративным материалом, способным «потопить» всякую логику в безбрежном море цитат и эмпирических свидетельств. Социально-философское исследование, обращенное в прошлое, в идеале должно представлять процесс, в котором движение «родовых» для данной культуры понятий доводится до доступного нам, современникам, *понятия* о развитии самой культуры.

О проблемах формирования и становления российской науки и образования в «Петербургский век» русского Просвещения написано множество текстов. Посильное участие в этом принял и автор настоящей статьи². И все же, чем больше открываются перед нами проблемные вопросы нашего времени, тем больше у нас причин обращаться к идейным столкновениям и взаимодействиям XVIII столетия. В данном случае в центр переклички с XVIII в. русской истории ставятся отношения образования, науки и религии.

В первую очередь необходимо подчеркнуть то, что уже с начала Петровских преобразований мероприятия власти выстроились вокруг главенствующего принципа, который заключался в первенстве интереса государства и плотной всесторонней опеки с его стороны всех сторон общественной жизни. Особое значение в этой связи приобретает установление доминантной опеки правительством Петра. Оно происходило одновременно в трех сферах: в государственном законодательстве, церковной реформе и образовании.

В общем виде картина представляется следующим образом. Из общественной жизни постепенно, шаг за шагом начинает вытесняться влияние церкви и церковного духовенства. В течение первой половины XVIII столетия в Россию привносятся разнородные (бытовые, технические, политические, философские и др.) элементы западной культуры, на этом фоне во второй половине XVIII в. возникает феномен русской дворянской культуры, и в итоге появляются собственные философско-просветительские направления мысли. Доминанта всесторонней государственной опеки задает иерархический порядок для основных идейных течений времени: вольтерьянства, масонства, либерализма и политического радикализма. В общем виде события (в виде своего рода кода) могут быть представлены семантикой парных отношений: «польза – всеядность»; «порядок – классификация». «Всеядность» в области социально-философской и естественнонаучной мысли порождает эклектизм, а доминантное стремление к всеобъемлющей классификации подводит к поиску метафизических принципов, на основе которых эта классификация могла бы осуществляться. Постепенно, к концу столетия, осуществляется институализация рационалистического направления русской мысли. Таковую мы обнаруживаем в журнальных статьях, трактатах, проектах и записках к Уложению и других многочисленных источниках. Так в общих чертах осуществлялось «коловоротное» умственное движение русского Просвещения. Однако в исторических «складках» времени и событий, в деталях всегда таится то ценное для исследователя, что не усматривается через оптики общих законов и схем, отсылающих нас к «развитию мира в целом».

В начале XVIII в. русская церковь оказалась в весьма неустойчивом положении. К началу столетия во владении епископов и монастырей были не только земли, но и целые торговые слободы. Имела место традиционная продажа церковных должностей, а также передача их по наследству. Нередки были случаи, когда один священник владел двумя церквями, одной правил сам, другую сдавал в аренду. В первую очередь правительство Петра поставило собственные меркантилистские интересы над церковными.

В идейном плане на рубеже XVII–XVIII вв. ситуация также изменилась кардинально. Деятельность «латынщиков», приглашенных еще ко двору Алексея Михайловича, была осуждена и пресечена при патриархе Иоакиме (1621–1690). Сильвестр Медведев, самый образованный и даровитый ученик Симеона Полоцкого, был заклеен в одной из глав иоакимовского «Остена» с красноречивым названием «О расстриге, бывшем монахе Сильвестре

Медведеве, вводившем ересь латинскую в великороссийский народ». В допетровское время накал борьбы со «зломудренной латинской ересью» в русской церкви был таков, что даже высокое на тот момент положение Медведева не спасало от откровенной брани в его адрес:

Сенька Медведев... подобно Арию, злоковарен бо бе от юности возраста, и многоречив, и остроглаолив, и любоприв... язык же непри- молчно блядушь³.

Сильвестр Медведев был казнен в 1691 г. уже при правлении Петра по обвинению в участии в заговоре царевны Софьи. Но торжествовать победу последователям Иоакима пришлось недолго. Молодой царь, вопреки ожиданиям церковных иерархов, представлявших старомосковскую партию, взял курс на преемство европейских новшеств. Петр, возвратившись из своих поездок по европейским странам, стал открыто поддерживать «все заграничное». Вместо предполагаемого расширения полномочий и своего традиционного влияния в деле духовного «окормления», церкви пришлось принять унижительную для нее роль послушного слуги светской власти. Теперь вся ее деятельность должна была проходить под неусыпным оком государства. Поскольку власть, в отличие от предшествующего периода, уже не нуждалась в сакральной поддержке, она могла позволить себе вести наступление во всех направлениях, где ее интересы расходились с интересами церкви.

В этих условиях внутри русского православия стало формироваться более строгое системное богословие. Это – линия академического богословия и линия развития традиционной афонской апофатики. На первый план выдвинулась проблема качественного богословского образования, образцом которого в то время служила Киево-Могилянская коллегия. В этой связи в Регламенте предусматривалось введение в обучение семинаристов не только специальных предметов (схоластики, гомилетики и т. д.), но и общеобразовательных – арифметики, геометрии, физики и т. д.⁴

О непоследовательности секуляризации в эпоху Петровских преобразований можно судить по вменению обязательного преподавания «Закона Божьего» во всех светских школах. Однако, в сравнении с Россией XVII в., в самом понимании веры, а также места религиозных институтов в государстве, произошли качественные изменения. Уже в первой половине XVIII в. под старорусскую веру, через духовное образование, хотя и непоследовательно, стал подводиться рациональный фундамент. Частичную реализацию

этой попытки следует отнести к богословскому образованию наиболее подготовленной в теоретическом отношении части духовенства. Кроме того, не следует забывать, что церковная организация в XVIII в. продолжала оставаться важной стороной русской действительности. В первой половине столетия в России насчитывалось 5000 монастырей и свыше 12 000 церквей, значительная часть которых были приходскими. К тому же через сеть церковных учреждений в России того времени распространялись «полезные регулы»: в приходах оглашались царские указы и другие распоряжения властей⁵.

Доминанта государственной опеки отчетливо проявилась и в реформе образования светского. Так, к уже существовавшей Московской славяно-греко-латинской академии (1687)⁶ добавилась Петербургская академия наук (1724), а в 1755 открыт Московский университет. Примечательно, к примеру, то, что переводческой деятельностью было поручено заниматься Синоду, однако приоритет в выборе книг был отдан светскому направлению. Всего при Петре I было переведено и опубликовано 15 книг по естественным наукам, 30 – по военной части и несколько книг по праву и законодательству⁷. Посылая очередную книгу в Синод, Петр препровождает ее следующим письмом:

Посылаю книгу Пуфендорфа, в которой два трактата: первый о должности человека и гражданина, другой – о вере христианской, но требую, чтобы первый токмо (о должности) переведен был, понеже в другом (о вере) не чаю к пользе нужда быть⁸.

Неудивительно, что церковная культура была существенно потеснена. Она потеряла свое традиционное свойство проникновения во все капилляры русской жизни. Набожность, библейско-аллегорическая витиеватость как способ оформления мысли и печатного слова – все это за каких-то 20–30 лет стало непопулярным в высшем, прежде всего – петербургском, обществе.

Появившаяся в XVIII в. возможность социальной мобильности дворянского сословия существенно повлияла на весь последующий характер его духовного творчества. Большую роль в усилении роли дворянства сыграли и такие факторы, как материальная независимость, а также дарованные ему законодательством свободы, которые не замедлили проявиться в сфере науки и философии. Особое значение в этой связи имел Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству» (18 февраля 1762 г.).

Организация отечественной науки XVIII в. также включала в себя первенство государственной пользы. Это обстоятельство изначально определяло несколько факторов: социальное положение ученых⁹, структуру вновь создаваемого научного сообщества, издательское дело¹⁰ и др. Сам способ организации научной работы в России ставил преподавателя в положение государственного чиновника, проводника государственной идеологии. Ему приходилось «кормиться» за счет преподавания «школьной» философии. В этих условиях проявлять самостоятельность в выборе философских, и тем более политических убеждений и исследовательских приоритетов означало демонстрировать свою неблагонадежность. Подтверждением тому служит распространившийся печальный опыт удаления из университетов «вольномыслящих» преподавателей (А. Галич и др.). Очевидно, что распространение идей французского Просвещения в России стало возможным только в условиях создания «пустых» пространств, образованных в результате беспрецедентного «выдавливающего» воздействия секулярной доминанты на традиционную церковную культуру. «Философия французского Просвещения, – отмечает Т. Артемьева, – заняла в этом перечне место духовно-идеологического компонента, который должен был заполнить пустое пространство, образовавшееся вследствие секуляризации духовной жизни»¹¹. Потенциал светской духовной жизни и образованности русского общества еще не был настолько развит, чтобы подвергнуть систематическому изучению весь корпус европейской науки и философии. Философские идеи, к примеру, рассматривались в общем контексте столичного интереса к французской литературе и моде. Их усвоение сопровождалось элементами экзотики и утопизма.

Интересно в этой связи рассмотреть обстоятельней тексты, в которых русская ученость разворачивается в сторону метафизики и естествознания. В.Н. Татищев создает своего рода теоретическую конструкцию «всемирного умопросвящения». Ум, согласно его воззрениям, вовсе не является вместе с волей неизменным свойством души, как это традиционно считалось. Чтобы ум над волею властвовал «яко царь», его нужно «прилежать», то есть образовывать. В науке успех возможен только через установление широкой сети образовательных учреждений. «Человеку нужно век жить, век и учиться», – заключает Татищев¹². Но точно так же, через личность («микрокосмос»), он рассматривает развитие всего человечества. Младенчество – это время «до обретения письма», юность – с «пришествия и учения Христова», зрелый возраст – «обретения – тиснения книг»¹³. Так, популярная тема

европейского Просвещения получает свою специфическую интерпретацию в России.

Еще одной страницей в истории русского Просвещения являлось масонство. Привнесенное с Запада религиозно-теософическое направление нашло свое место в раскладе политических и идейных сил России и сыграло в ее духовном развитии вполне определенную роль. Оно оказало заметное влияние на развитие литературы, журналистики, благотворительности, а также на распространение идей о достоинстве человеческой личности.

Своего рода результирующее впечатление от всей Петровской эпохи оставляет «Книга о скудости и богатстве» (1724) Ивана Посошкова. Примечательно, что в 1752 г. М.В. Ломоносов велел переписать «Книгу», и на основании этой «ломоносовской копии» сочинение Посошкова было впервые полностью издано в 1937 г. «Книга» имеет особое значение для характеристики общего понимания того ценностного сдвига, который произошел за два с половиной десятилетия реформаторской работы власти. В общем виде И. Посошков подает предложения по улучшению экономического управления государством. Автор экономического трактата отмечает ограниченность тех представлений о государственной пользе, которыми руководствуются фискальные службы. Их задача – получение прибыли любыми средствами, даже в ущерб развитию самого производства (работа «прибыльщиков» сводилась к тому, с чего и как взять, и возможно больше взять). По цельности и глубине предложений, содержащихся в первом русском экономическом трактате, можно судить и о переменах в рациональных интерпретациях самого понятия «польза» для общества. Но если Посошков в понятие «пользы» еще включал и религиозный смысл, то Татищев уже определяет исключительно светское понимание «полезности» и «нужности», схожее по типу с образцами западноевропейского утилитаризма. Это хорошо демонстрируется в разделении наук в его «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» (1733). К примеру, заимствование слов («без нужды») из чужих языков Татищев считает явлениям вредным. Но он в то же время не призывает к полному ограждению языка от заимствований. «Полезно брать те слова, которые поступают с «науками филозовскими и вещьми»¹⁴. После Татищева представление о «пользе» наук и языка науки углублялось Г. Тепловым¹⁵, систематизировалось Я. Козельским и другими русскими интеллектуалами того времени.

Производным от идеи «порядка» следует считать понятие «эклектика». Сами русские мыслители называли себя «эклектиками». В это слово тогда не вкладывался тот негативный смысл, кото-

рым часто оперируют современники¹⁶. Понятие «эклектики», применительно к эпохе Просвещения, гораздо ближе к его исходному смыслу (от греч. ἐκλεκτός – избранный), а вовсе не «хаотический способ изложения сведений о предмете». «Эклектика» неизбежна и правомерна на начальной, аналитической стадии исследования. Дидро в «Великой французской энциклопедии» охарактеризовал «эклектика» как философа, который «решительно отбрасывает предрассудки... и отваживается думать самостоятельно»¹⁷. В интерпретации русских просветителей «эклектизм» есть собрание всего лучшего, созданного на данный период времени, – «избирающее, что во всех писателях твердейше доказано» (В. Третьяковский).

М. Ломоносов в своих «Заметках к Системе всей физики» и «Микрологии» (1763–1764) набрасывает план единого гармоничного мироздания, в котором «все связано единою силою и согласованием природы»¹⁸. Он четко разделяет знание, опосредованное отношением к Богу и Природе.

Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулом. Таков же и богословия учитель, ежели он думает, что по Псалтыре научиться можно астрономии или химии¹⁹.

Интересна в этой связи позиция другого русского мыслителя, Я. Козельского, принадлежавшего, как и М. Ломоносов, к «естественно-научникам». Предпринятый им подход к систематизации во многом аналогичен ломоносовскому принципу классификации материи. Систематизация наук, по Козельскому, должна осуществляться по объекту, а не по качествам ума. В «Философических предложениях» (1768), главном своем сочинении, Я. Козельский предпринимает попытку классификации всех известных к тому времени научных направлений²⁰. Таким образом, к началу XIX в. в качестве исходных оснований в трактатах «естественнонаучников» стали использоваться данные практического опыта – эмпирические факты, добытые в условиях чувственной достоверности. Профессор Московского университета М. Панкевич называл практику «конечной причиной всякой теории», а теорию – «кладом практики»²¹.

С иных позиций подходят к систематизации знаний Н. Озерцовский и А. Теряев. В основу своего принципа классификации они закладывают теологический (и телеологический) принцип стремления «всего в мире» к совершенным формам²². Характерным примером умозрительного направления русской метафизики может служить трактат А. Белосельского-Белозерского «Дианио-

логия, или Философская схема мышления» (1790). Написанный на французском трактат был издан в Дрездене в 1790 г. Кант, прочитав «Дианиологию», в письме автору назвал ее «драгоценным подарком» и «глубокомысленным сочинением»²³.

И все-таки, в чем проявлялась специфика собственно российской рецепции европейской науки в первой половине XVIII в.? С нашей точки зрения такую специфику можно обозначить словом «наукизация». Используя этот термин, мы стремимся обозначить исходно подражательный характер, неполноту, частичность, вынужденную избирательность рецепции науки. Кроме того, термин «наукизация» более точно указывает на отсутствие автономного профессионального круга ученых, а также на существующий дефицит собственных наличных возможностей (научного языка, интеллектуальной традиции, отечественных ученых и т. д.) для системного и полновесного усвоения научных достижений Западной Европы того времени²⁴.

К концу столетия, по мере возрастания знаний, возникла потребность в новых «принципах классификации» и, как следствие, в новых метафизических конструктах и построениях русской мысли. Ф. Политковский в конце XVIII в. констатирует ситуацию, когда «знания природы» возросли до «необъятной почти обширности»²⁵. Такая ситуация сама по себе уже стимулирует поиск «скрепляющих принципов», без которых невозможна аккумуляция научного знания и опыта. Примечательно то, что во второй половине XVIII в. (в отличие от времен Петровских преобразований) духовный опыт русских интеллектуалов, естественнонаучный и религиозный, уже демонстрирует своего рода соработничество в мировоззренческом усвоении европейской науки и в последующей ее рецепции российским образованием.

Результаты века русского Просвещения далеко не во всем оправдывали ожидания властей и общества, а в некоторых своих проявлениях они оказались прямо противоположны первичным их устремлениям. Доминанта секуляризма только открывала путь для потока научных знаний, определяла общие условия и возможности их проникновения в мир европейской образованности и культуры. Однако эти достижения европейской науки так бы и остались «наукизацией» на русской почве, если бы не состоялась «перековка» ментального слоя новой генерации ученых. Условия и возможности такой «перековки» определялись уже не внешними действиями власти, а внутренне сложившимся компромиссом научных и религиозных воззрений русских интеллектуалов. Об этом пойдет речь во второй части статьи.

- ¹ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 378.
- ² См.: Ивахненко Е.Н. Наука и религия в русском Просвещении: от столкновения и конфликта к компромиссу и взаимодействию // Ценностный дискурс в науках и теологии. М., 2009. С. 300–320.
- ³ О расстриге, бывшем монахе Сильвестре Медведеве, введившем ересь латинскую в великороссийский народ // Там же. С. 74–75.
- ⁴ См.: Прокопович Феофан. Регламент, или Устав духовных коллегий... // Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. (Приложения). М., 1994. С. 61–168.
- ⁵ См.: Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Ч. II. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как сановники церкви // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 150–293.
- ⁶ См.: Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 255–422; Панибратцев А.В. Философия в Московской славяно-греко-латинской академии (первая четверть XVIII века). М., 1997.
- ⁷ Шапов А.П. Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России // Шапов А.П. Соч.: В 2 т. Т. 2. СПб., 1906. С. 503–504.
- ⁸ Цит. по: Уланов В.Я. Культурная реформа Петровской эпохи // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник. М., 1913. Т. 4. С. 291.
- ⁹ См.: Фундаминский М.И. Социальное положение ученых в России XVIII столетия // Наука и культура в России XVIII века. Л., 1984. С. 52–72.
- ¹⁰ См.: Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных // Ломоносов М.В. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 200.
- ¹¹ Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII в. СПб., 1996. С. 28.
- ¹² Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищах // Татищев В.Н. Избр. произв. Л., 1979. С. 68.
- ¹³ Там же. С. 70, 78.
- ¹⁴ Там же. С. 96–97.
- ¹⁵ Теплов Г.Н. Знания, касающиеся до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751. С. 133.
- ¹⁶ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 789.
- ¹⁷ Дидро Д. Эклектизм. Осадная башня штурмующих небо // Дидро Д. Избранные тексты из Великой французской энциклопедии. XVIII в. Л., 1980. С. 61–62.
- ¹⁸ Ломоносов М.В. [Заметки к Системе всей физики и «Микрологии»] // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 491.
- ¹⁹ Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санктпетербургской Академии наук мая 26 дня 1761 года // Там же. Т. 4. С. 379.
- ²⁰ Козельский Я.П. Философские предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.: В 2 т. Т. I. М., 1952. С. 411–551.

- ²¹ *Панкевич М.И.* Слово о подлинной цели математических наук и о сообразном ей расположении упражнений в оных // Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного. Ч. II. М., 1820. С. 286.
- ²² *Озерцовский Н.Я.* Начальные основания естественной истории: В 2 т. СПб., 1791; *Теряев А.* Размышления о природе, или Рассуждение о телах вообще. СПб., 1802.
- ²³ *Гулыга А.* Кант. М., 1981. С. 284–286.
- ²⁴ См.: *Филатов В.П.* Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 35.
- ²⁵ *Политковский Ф.Г.* Слово о связи Истории Натуральной с Физикою, Химию и Врачебным искусством // Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета. М., 1796. С. 286.

nature of people's memory is expressed in its inability to retain historical events and persons in the collective memory. It can be done only by turning them into archetypes, that is, canceling all their "historical" and "personal" features. Authoritarian government is committed to the creation of a man not burdened with the past, having a "memory" which is created by the efforts of ideologues and is being systematically embedded in the consciousness of the masses through books and mass media. This cultivated memory is designed to suppress the memory of an individual, to make it a pale shadow against the background of great deeds and heroes. In fact, it is the cultivation of national amnesia.

Keywords: myth, archetype, history, historical amnesia, demythologization of memory, texts of precedents.

E. Grishina

Social (mental) mapping. Opportunities and restrictions of the method

In article draws attention to that fact that now mass sociological polls are used as the main method for collection of sociological information what it is not always correct. It is noted that interdisciplinary techniques could be used in sociological researches more widely, and the data got with their help would allow raising reliability of the data obtained by means of inquiries and covering the studied problems more deeply. Social and mental mapping is considered in the context of new opportunities connected to the information technology development, creation of the interactive maps, formation of the scale databases containing both social, and factual information and "bound" to certain territories.

Keywords: methods, mental maps, social mapping, megapolls, interactive maps.

E. Ivakhnenko

Education, science and religion in the Russian Enlightenment. In search of a compromise (part 1)

This article is an attempt to perform a search of a synthesis of the education, religion and science in the Russian Enlightenment of the eighteenth century. The article text is divided into two parts. The first part shows an impact of the secularization and state control of

education and science, as well as the phenomenon of “scientification” of Russian Enlightenment. The second part (in the next issue of the *Vestnik*) includes the hidden trajectory, upon which the scientific and religious discourses of the Russian age of Enlightenment were gradually rebuilt.

Keywords: educational reform, eclecticism, Russian Enlightenment, “scientification”.

V. Karelin, N. Kuznetsova

The subject matter of philosophy as an issue
of the modern times register.

Towards the stylistics of the educational course

The question how to teach philosophy is strongly connected with the question about the subject of philosophy. There are a lot of different approaches to defining the subject matter of learning in the educational course of philosophy. The article claims that the most important pedagogical task is considering the variety of thinking practices. Students should be oriented to research the heuristic strategies of such practices as well as to be able of analyzing the potential of their applicability to different classes of issues. According to that general thesis, it is necessary to change the whole design of the educational course “Philosophy” for the bachelor students of non-philosophical educational programs.

Keywords: critical thought, practices of thinking, subject matter of philosophy, teaching philosophy, modern philosophical education.

S. Konacheva

Metaphysics without metaphysics.
Interpretation of Heidegger’s philosophy
in contemporary theological hermeneutics

The article deals with the Heidegger’s interpretation of the nature of metaphysics as “the onto-theological structure of metaphysics”. It marks out the key characteristic of metaphysics – oblivion of the ontological difference, and demonstrates mutual belonging in the ontological and theological groundings of metaphysics. The radicalization of Heidegger’s destruction of metaphysics in theological hermeneutics is specially considered. It is argued that in the project of overcoming metaphysics the radical hermeneutics accentuates an attempt to return

Сведения об авторах

Бороздина Надежда Олеговна – аспирант, кафедра социальной философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, borozdina@rggu.ru

Гришина Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, кафедра прикладной социологии, социологический факультет, Российский государственный гуманитарный университет, egrishina@yandex.ru

Губин Валерий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, декан, заведующий кафедрой истории зарубежной философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, goubin@list.ru

Ивахненко Евгений Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, ivahnen@rambler.ru

Карелин Владислав Михайлович – кандидат философских наук, кафедра социальной философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, phizika@mail.ru

Коначева Светлана Александровна – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой современных проблем философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, konacheva@mail.ru

Кондаков Игорь Вадимович – доктор философских и кандидат филологических наук, профессор, действительный член РАЕН, кафедра истории и теории культуры, отделение социокультурных исследований, Российский государственный гуманитарный университет, почетный работник общего образования РФ, приглашенный профессор Нанкинского университета (КНР), ikond@mail.ru

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, кафедра современных проблем философии РГГУ; главный научный со-

General Data about the Authors

Borozdina Nadezhda O. – postgraduate student, Department of Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, borozdina@rggu.ru

Goubin Valery D. – Dr. in Philosophy, professor, dean, head, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, goubin@list.ru

Grishina Elena A. – Dr. in Sociology, professor, Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, egrishina@yandex.ru

Ivakhnenko Eugene N. – Dr. in Philosophy, professor, head, Department of Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, ivahnen@rambler.ru

Karelin Vladislav M. – Ph.D. in Philosophy, Department of Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, phizika@mail.ru

Konacheva Svetlana A. – Dr. in Philosophy, head, Department of Modern Problems of Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, konacheva@mail.ru

Kondakov Igor V. – Dr. in Philosophy, Ph.D. in Philology, professor, full member of Russian Academy of Natural Sciences, Department of History and Theory of Culture, Section for Social and Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, Honorary Worker of General Education of Russian Federation, visiting professor of Nanjing University (People's Republic of China), ikond@mail.ru

Kuznetsova Natalia I. – Dr. in Philosophy, professor, Department of Modern Problems of Philosophy, Russian State University for the Humanities; chief researcher, Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, cap-cap@inbox.ru